

УДК 94(470):911.373

DOI 10.26456/vthistory/2026.1.085

К вопросу о позитивном отношении к сельскому священнику в русских народных пословицах

В.А. Шаповалов

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, г. Белгород, Россия

В данной статье рассматривается вопрос наличия и направленности симпатий к священнику в русских народных пословицах. Показана противоречивость фольклорных текстов по этому вопросу, но с доминантным дискурсом позитивного плана. Обосновываются утверждения в народных пословицах о необходимости участия священника в жизнедеятельности крестьян на всем протяжении их земного пути; особом отличительном внешнем и внутреннем образе попа, его статусности; обязательности материального вознаграждения за ритуальные услуги; противопоставлении образов попа и черта и т. д. В качестве источников в том числе привлекается народный лубок и православная символика цвета. Особое внимание уделено подтверждению рассматриваемого топоса конкретными примерами из служебной деятельности священников и их коммуникативности с причтом.

Ключевые слова: фольклорный текст, пословицы, позитив, священник, крестьянин.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении дискурса повседневной коммуникативности крестьян и сельского духовенства в России XIX – начала XX вв., так это недоброжелательность первых ко вторым. На что особо указывалось как в работах имперского периода, так и в советской и современной историографии. В частности, это нашло отражение в трудах дореволюционных священников И.С. Беллюстина, И.Д. Ростиславова, духовного писателя, цензора Н.В. Елагина и других, неприязнь крестьянства к причту выделялась как основная доминанта в широком спектре взаимоотношений крестьян и духовенства¹. Во многом эти точки зрения, применительно к дореволюционному клиру, справедливо разделяют современные исследователи, но с детальными комментариями, Л.В. Беловин-

¹ [Беллюстин И.С.]. Описание сельского духовенства. Русский заграничный сборник. IV. Berlin, A. Asher E.C.O., Paris, A Franck, London, Trubner E.C.O., 1858; [Ростиславов И.Д.]. О православном белом и черном духовенстве. Т. 1. Лейпциг, 1866; [Елагин]. Русское духовенство. Берлин, 1859.

ский, Т.Г. Леонтьева, Д.А. Комаров, В.С. Малышев и др.² Необходимо отметить, что в отдельных случаях оценка данных отношений принимала несколько гипертрофированные формы, стремясь показать через словесную экспрессию особую степень крестьянской нелюбви к представителям сельского духовенства. Например, священник М. Левитов, характеризуя данные взаимоотношения в нач. XX в., указывает: «Ценность набожности крестьянства оказалась сомнительной, а его добрые сыновние отношения к священнослужителям скорее иллюзией, чем фактом. Эти отношения, не приближавшиеся никогда к идеальным, в последние годы обострились до крайней степени. Предрассудок сильно поколеблен, но не разрушен окончательно. Для многих всё ещё тяжело и страшно признаться, что там, где должны быть взаимная любовь и доверие, давно царят ненависть и подозрительность...»³.

Вышеуказанные суждения подтверждают и фольклорные тексты. В частности, народные пословицы: «Попы да черти одной шерсти», «От вора отобьюсь, от приказного откуплюсь, а от попа не отмолюсь», «Попа да вору все в пору»⁴, «Поп, что клоп», «У попа руки, что грабли: все берут, все гребут»⁵. Пословиц с подобным содержанием весьма большое количество.

Всё это наводит на мысль об однозначном негативном отношении крестьян к духовенству. Но жизнь во всех своих проявлениях значительно многообразнее, включая различные векторы народных воззрений на представителей причта. Позитивные взгляды на сельское духовенство являлись так же частью народного сознания, что подтверждают фольклорные тексты, в первую очередь пословицы. Но они теряются в подавляющей общей массе народных пословиц с негативной направленностью. На это указывает небольшое количество пословиц (10 текстов) о священниках, которые можно трактовать как позитивные. Но одни авторы соглашались с этим, другие не видят в них позитива.

Чем же важны фольклорные тексты в качестве аксиологического источника? Фольклорные повествовательные матрицы выступают в роли своеобразного бредня, в ячейках которого оседают некоторые «исторические воспоминания». Обобщения, возникающие в результате данных процессов, допускают свободную циркуляцию атрибутов и предикатов внутри одного класса персонажей (разбойников, помещиков, священников и т. д.).

² Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. М., 2016; Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; Она же. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.) // Социальная история. Ежегодник, М., 2000. С. 34–56; Комаров Д.А. «Не нам попов судить, на то черти есть»: образ священника в русском фольклоре // Провинциальное духовенство дореволюционной России: сб. науч. труд. / под ред. Т.Г. Леонтьевой. Тверь, 2005. Вып. I. С. 107–129; Малышев В., священник. Положение духовного сословия в церковной публицистике середины XIX века. СПб., 2019.

³ Левитов М. Народ и духовенство. Казань, 1907. С. 6.

⁴ Русские народные песни, пословицы, поговорки и загадки / под ред. М. Булатова. М.; Л., 1941. С. 221.

⁵ Рыбникова М.А. Русские загадки, пословицы и поговорки. М., 2022. С. 561.

В соответствии с принадлежностью персонажа к подобному классу, традиция приписывает ему определенные признаки и поступки, так, как правило, поп всегда жаден и развращён сытой жизнью.

Это, впрочем, не даёт оснований категорически отрицать наличие каких бы то ни было соответствий всем этим мотивам в реальной действительности, просто из множества фактов традиция с большей степенью вероятности обретет именно те обстоятельства, которые полностью совпадают семантическим шаблонам⁶. Фольклорные тексты показывают доминирующие поведенческие коды представителей различных классов персонажей, которые на протяжении длительного времени «фильтровались» в народном сознании.

Обращаясь к вопросу о специфике народного сознания при анализе фольклорных текстов, необходимо иметь в виду такую его особенность, как «диффузное сознание». Под «диффузным сознанием» понимается экстраполяция собственного виденья различных поведенческих стереотипов, оценочных суждений в отношении других сословий и представителей иных социальных групп. То есть, свои оценочные суждения рассматриваются как принятые за основу среди прочих сословий или социальных групп⁷.

Перед тем как непосредственно перейти к анализу пословиц позитивного топоса или претендующих на это в адрес лиц духовного звания, необходимо уточнить жанровую специфику пословиц и определить причину малочисленности пословиц, в которых отражены различные сословия и классы. Военный юрист, генерал от инфантерии, председатель Главного военного суда, крупный исследователь русских пословиц и поговорок И.И. Иллюстров (1845 – не ранее 1917) справедливо подчёркивал: «Пословицы и поговорки суть выражения вековой народной мудрости, заключающие в себе ту или другую истину. Особенность всех этих произведений народа та, что они живут в его устной речи, передаются из рода в род, от старого малому, творцы этих произведений неизвестны; они – создание целого народа; в них нет личного начала; они относятся ко всем людям одинаково»⁸. Главное в этом сюжете – «суть выражения вековой народной мудрости». Более кратко пословицы и поговорки можно определить как меткое народное слово, точные и остроумные оценки ситуаций, вещей, явлений. Например, «Мели Емеля, твоя неделя», в ней нет особой мудрости, но есть тонкая, ироничная оценка ситуации. Многовариантность употребления пословиц обуславливается их метафоричностью.

По-сути, пословицы весьма часто являются образными моделями типических жизненных ситуаций⁹.

⁶ Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ – 60. Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина / под ред. Н.Б. Вахтина и Г.А. Левингтона. СПб., 2007. С. 84. (Studia Ethnologica; Вып. 4).

⁷ Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII – XVIII вв. Тверь, 1994. С. 28-29.

⁸ Сборник российских пословиц и поговорок / сост. И.И. Иллюстров. Киев, 1904. С. 6.

⁹ Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. М., 2004. С. 236–237.

Небольшое количество пословиц социально-политического плана, включая характеристики сословных и социальных сообществ, объясняется доминантной функцией пословиц и поговорок, заключающейся в оценке житейских ситуаций. Применяясь к конкретному поводу, пословицы чаще всего дают моральную оценку (часто с иронией) возникающих ситуаций. Потому и воспринимаются они как некий моральный кодекс: «Береги платье снову, а честь смолоду»¹⁰. Моральная подоплека часто принимала метафорические формы.

Переходим к анализу позитивных или претендующих на это пословиц в отношении представителей причта. Сразу необходимо отметить, что специальных работ, включая и фольклорный контекст, где бы исследовались социальные мотивы симпатий крестьян к духовенству, пока нет. Из имеющихся сборников русских народных пословиц и поговорок только в сборнике, подготовленном отшельником Мери-Хови, выделены 9 пословиц в отдельный раздел, посвященный попам, со следующим комментарием: «Старинные пословицы показывают, что народ любил их (священников. – В.Ш.)»¹¹.

Первая пословица, выделенная отшельником: «Без попа, что без соли»¹². Соль в русском застолье, заготовке продуктов питания занимала одно из главных мест наряду с хлебом. Метафорическая трактовка соли многопланова и переносится на широкий спектр жизнедеятельности. Фразеологизм «в том то и соль» – то же самое, что в том-то и вопрос, проблема; «соль» чего-либо – это указание на самое главное, самую лучшую часть. О значимости соли говорят пословицы и поговорки: «Мы вместе пуд соли съели», «Как стол не накрывай, а без соли не обойдешься»¹³. Другими словами, метафоры соли обозначают то, без чего нельзя обойтись, самое необходимое, сущностное.

Русский мыслитель, представитель русской религиозной философии Н.О. Лосский (1870–1965) особо отмечал: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра»¹⁴. Именно глубокая религиозность крестьян во многом являлась одним из главных оснований позитивного крестьянского отношения к клиру. Это было обусловлено тем, что православные традиции пронизывали все сферы крестьянской повседневности. Вера Христова сопровождала крестьянина от рождения до смерти. Ключевые события в его жизни определились христианскими таинствами – крещения, венчания, отпевания¹⁵. Но при этом отношение к конкретному священнику

¹⁰ Костюхин Е.А. Указ. соч. С. 239.

¹¹ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия) / сост. Мери-Хови, отшельник. СПб., 1882. С. 115.

¹² Там же.

¹³ Пословицы и поговорки о соли [Электронный ресурс] URL: <https://slavclub.ru/poslovicy-i-pogovorki/o-soli> (дата обращения 15.06.2025)

¹⁴ Лосский Н.О. Характер русского народа. Frankfurt I Main, 1957. С. 10.

¹⁵ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004. С. 238.

в быту определялось предельно просто – либо батюшка, либо поп. Первое определение соответствовало патерналистскому идеалу; второе представляло апофеозом бесполезности. Отношения между причтом и крестьянами всегда были сложными, и личность священника, его влияние на приход определяли его социальный статус, который был весьма близок к крестьянскому, хотя формально он находился наверху социальной пирамиды¹⁶.

Примеров симпатий крестьян к священнику в литературе приведено весьма мало. Тем не менее есть конкретные примеры как жесткого, авторитарного отношения священника к крестьянам, но в рамках патерналистского подхода, вызывающего уважение последних к своему духовному пастырю, так и без излишеств жесткого контроля духовной жизни паствы¹⁷. Например, в Коротоякском уезде Воронежской губернии в начале XIX в. особо выделялся священник Иоанн Комаревский. «О нём немало сохранилось рассказов среди крестьян. Прежде всего, он поставил себя так высоко, что все прихожане боялись и трепетали его. Этому он достиг благодаря своему сильному характеру. Не последнюю роль, конечно, в этом имело и то, что он был знаком со всеми уездными властями... Он бесцеремонно обращался со своими прихожанами, и они не редко знакомились с его иерейской тростью. Свои пасторские наставления он вбивал в головы прихожан силою убеждения и силою своей трости, если убеждения не достигали силы. Между тем, он имел сильное влияние на крестьян... Все прихожане уважали его»¹⁸. Другой пример связан со священником Космодамианского погоста Муромского уезда Владимирской губернии Григорием Михайловичем Алявдиным в первой половины XIX в. Без излишней требовательности он завоевал огромное уважение у прихожан. «Прихожане, в трудных своих обстоятельствах, обращались к нему за советами, а в семейных и с соседями размолвках – с жалобами, и не оставались без удовлетворения. Он и тем ещё угождал прихожанам, что за свои пасторские труды для них довольствовался добровольным их вознаграждением, и для исправления треб ездил в приходные деревни большею частью на своей лошади, по одному только извещению через кого-либо. Прихожане говорили: «к нашему Батюшке хоть малого пошли позвать причастить или окрестить, и то поедет, да еще на своей лошадке. Вот такой у нас добрый Батюшка! За что любим и почитаем как отца!»¹⁹.

Среди множества добродетелей священника Алявдина крестьяне особо подчеркивали то, что на исправление треб он ездил на своей лошади, не отрывая крестьянских лошадок от различного рода работ. Крестьяне особо это ценили. Естественно, в контексте вышеуказанных взаимоотношений

¹⁶ Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.). С. 126, 142.

¹⁷ Приходская жизнь села Аношкино в XIX веке / сост. и пред. В.Ю. Коровина. Воронеж, 2014; Смирнов К. Воспоминание о священнике погоста Космодамианского Муромского уезда, Григории Михайловиче Алявдине. Владимир, 1877.

¹⁸ Приходская жизнь села Аношкино в XIX веке. С. 59.

¹⁹ Смирнов К. Указ. соч. С. 5.

священника и крестьян в первую очередь могла и создаться рассматриваемая пословица. Но это несколько упрощенный ответ. Священник, пусть и находившийся в не лучших отношениях со своей паствой, был просто необходим крестьянам. Без него невозможны бы стали крестины, венчания и отпевания, да и много других культовых обрядов. Здесь же необходимо указать, что крестьяне не уважали чрезмерно добрых священников, так как «стоящий не на высоте церковных требований» и способствующий своими поблажками тому личному отношению к выполнению церковных предписаний, «какое свойственно только избалованным господам»²⁰. Указанный священник Алявдин был требователен к своей пастве, но и, когда надо, шёл ей навстречу.

Следующие две пословицы, отнесённые к позитивным в отношении священников, содержат тему искренней материальной благодарности попу, что, на первый взгляд, не так однозначно можно трактовать в рамках исследуемого дискурса, как вышеуказанную пословицу о сравнении попа с солью. Звучат они следующим образом:

Первую мерлушку – попу на опушку.
Не отсыпав попу новины, хлеба не продавай²¹

При их прочтении несомненно имеет место влияние господствующих народных настроений о патологической жадности попов, что нашло отражение в большом количестве соответствующих пословиц и поговорок. Это как бы сводит на нет возможность различных трактовок отдельных пословиц, подводя их к общему аксиологическому знаменателю. Но отшельник Мери-Хови внёс их в тот раздел, где, по его убеждению, очевидны симпатии к священнику. Эта очевидность, по всей видимости, базировалась на жизненном опыте отшельника и имела под собой примеры подобной благодарности. Учитывая четкую структуру сборника Мери-Хови, внесение указанных двух пословиц в специальный раздел имело свою внутреннюю логику и обоснование. Эта «очевидность» находит подтверждение в источниках и в отсутствии критических замечаний специалистов по фольклору в адрес пословиц, сведённых в «позитивный» раздел. С другой стороны, буквальный подтекст вышеуказанных пословиц явно отражает симпатии к священнику.

Здесь весьма уместно примечательное утверждение крупного отечественного фольклориста Б.Н. Путилова (1919–1997): «Фольклор как память традиции и – одновременно – как актуальное действие не позволяет применять к нему односторонних оценок. Его специфическая сила именно в многообразии, противоречивости, наличии взаимоисключающих тенденций. Выступая голосом традиции, он разными своими сторонами находит соответствующие место в динамике действительности, включается в неё и ока-

²⁰ Комаров Д.А. Указ. соч. С. 118.

²¹ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 115.

зывается часто выражением / обобщением некой надгрупповой позиции»²². Именно противоречивость и даже взаимоисключение отдельных моментов в фольклорных текстах показывают всю сложность аксиологических оценок при анализе социальных явлений, кажущихся одного порядка.

В рассматриваемом контексте показательна автобиография сельского священника М.Е. Лаврова (1839–1885) из села Рыковская Новоселка Юрьевского уезда Владимирской губернии²³. Как и большинству русских сельских священников, Михаилу Ефимовичу, чтобы прокормить большую семью и родственников, живущих с ним под одной крышей, приходилось много работать на земле, своими руками реконструировать дом и выполнять много других работ. В этой связи он с гордостью писал: «По недостатку средств и многочисленности семейства трудна была моя жизнь в экономическом отношении; но этой бедности и стеснительному положению и приношу сердечную благодарность. Бедность и нужда были лучшими учителями моими во всей моей жизни. Они научили меня, неумеющего ничего, делать все. Я по милости нужды сделался столяром, маляром, портным, сапожником, башмачником...»²⁴. Но все эти многочисленные навыки и умения не определяли достаток его семьи. Умело выстроенные отношения с прихожанами, без излишнего панибратства, стали основой относительного благополучия и его семьи. «С крестьянами прихожанами я жил в мире и согласии, старался по возможности обращаться с ними ласково, снисходительно; в требах не притеснял, часто венчал браки без денег, в долг, чего прежде никогда не случалось, и, благодаря добросовестности крестьян, никогда не был от этого в убытке. Мне хотелось всячески искоренить злую поговорку крестьян, что “поп с живого и мертвого дерет”»²⁵.

Выстроив отношения с крестьянами, от которых священник М.Е. Лавров «никогда не был... в убытке», он своим поведением утверждал позитивный взгляд прихожан на сельских пастырей. Это не всегда давалось легко священнику, так как его частная жизнь и служебная деятельность находились в неразрывной связи и были под пристальным вниманием паствы²⁶. Идеальный священник, посвятивший всю свою жизнь высшим интересам, обязан был ежеминутно подтверждать это своим бытовым поведением.

Т.А. Бернштам указывает, что, как правило, духовенство становилось на сторону крестьян во время эпидемий, в неурожайные годы, при введении жестких правительственных мер, ведущих к почти поголовному обнищанию паствы. К тому же во многих губерниях грамотные клирики писали

²² Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; IN *memoriam*. СПб., 2003. С. 68 (Ethnographica Petropolitana, IX).

²³ Лавров М.Е. Автобиография сельского священника. Владимир, 1900.

²⁴ Там же. С. 46.

²⁵ Там же.

²⁶ Левицкий В. Священник. Приготовление к священству и жизнь священника. Киев, 1886. С. 1.

со слов крестьян жалобы на господ²⁷. Очевидно, что это поднимало авторитет священников в глазах крестьян, и их отношения, включая хозяйственные, могли решаться на взаимовыгодных условиях. Но, как показывают источники, во многом это зависело от личности священника, его умения говорить с крестьянами, убеждать их.

Пословица «Попа и в рогоже знать»²⁸ подразумевает под собой особый поведенческий код (программу) у священников, который отличает их от других сословных сообществ. Под поведенческим кодом (программой) понимаются определённые правила, которым должно подчиняться поведение членов социальной группы, чтобы была возможна их совместная деятельность, связывающая людей в единую систему смыслов²⁹. Поведенческий код (программа) включает в себя многие рекомендованные черты конкретного сообщества, начиная от внешнего вида, манер, завершая предписаниями и запретами при коммуницировании с представителями других социальных групп (сословных сообществ). Применительно к священникам первой половины XIX в. можно утверждать, что легко было обнаружить в человеке духовное лицо по речам, манерам, внешности, если оно было в гражданском платье или полностью раздетым³⁰. Это было легко сделать, потому что все воспитание, включая духовные учебные заведения, прививает духовенству «особый взгляд на мир, на жизнь, на светское общество, приучает к особому роду мышления, к особому слогу, к особым внешним приемам»³¹. Стало очевидным фактом, что в среде духовенства сформировалась особая культура, отличная как от европеизированной дворянской, так и от народной крестьянской культуры.

То есть крестьяне осознавали, что священник «создан из другого теста». Его, как правило, недоступная для подавляющей массы крестьян грамотность, знание богословских текстов, умение объяснить различные жизненные ситуации в соответствии с постулатами Священного писания, да и сам сан духовного пастыря делали в глазах крестьян священника кем-то особенным, связанным с таинствами священства. Ведь по определению священники – это посредники между Богом и Человеком³². Крестьяне, если и находились в конфликтных отношениях со священником как человеком, то как к служителю культа относились к нему почтительно. Это подтвер-

²⁷ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 88–89.

²⁸ Сборник пословиц, поговорок и проч. (Русско-народная философия) / сост. Мери-Хови, отшельник. С. 115.

²⁹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993. С. 5.

³⁰ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начала XX вв. С. 131; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 102.

³¹ Там же.

³² Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начала XX вв. С. 11.

ждает анализ ответов сельских корреспондентов на вопросы тенишевской анкеты из рубрики «Священник и причт». В частности, весьма примечательнен ответ из Белоозерского уезда Новгородской губернии: «К священнику относятся двояко: как к служителю церкви – с уважением, как к человеку – недоверчиво и насмешливо»³³.

В пословице «Поп свое, а черт свое»³⁴ противопоставляются священник, как символ добра и святости, воплощающий в себе духовного пастыря православных, и чёрт – олицетворяющий собой зло, обитающий в подземном мире, в воде, в первую очередь в омутах. Люди представляли его себе сверхъестественным существом в образе человека, покрытого черной шерстью, с рогами, копытами и хвостом. Чёрта называют так же дьяволом, бесом. В народных поверьях черти – это бывшие ангелы, сброшенные с неба за выступления против Бога. Они могут принимать любой облик и постоянно вмешиваются в жизнь людей, причиняя им вред и неприятности³⁵. В силу чего Ангел Хранитель вынужден днём и ночью охранять человека от козней дьявола³⁶.

В народной картинке-лубке с сопровождающими текстами данное противопоставление визуально демонстрируется как борьба небесных сил с силами тьмы, подземного мира. Лубок как бы является визуализированным продолжением фольклорных текстов о противостоянии духовного православного начала и бесовской бездуховности. В известном сборнике Д.А. Ровинского «Народные картинки» в сюжетах лубков под № 255, 257 дьявол старается совратить с пути добродетели не только простых смертных, но и святых подвижников, как, например, преподобного Макария и преподобного Антония³⁷. Изображен здесь дьявол в соответствии с каноническим образом, представленном выше, но с различными вариациями длины шерсти, хвоста, изображения рогов и цветовых оттенков шерсти. В лубке под № 256 «Притча о бесе Зерефере» черт изображен с небольшими крыльями³⁸. То есть показана его возможность передвигаться и в воздушном пространстве.

Чёрный цвет чёрта не случаен. Он в восприятии русским человеком цветовой палитры мира – нечистый, тёмный, противоположный белому, знак нечистой силы – силы мрака, холода и всего враждебного человеку³⁹. В красных, зелёных и белых в сочетании с красным одеяниях показаны в лубочном дискурсе святые и благочестивые. Так, на иллюстрациях II–III, XXVII «Трапеза благочестивых и нечестивых» из собрания народных кар-

³³ Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 383.

³⁴ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 115.

³⁵ Энциклопедия русских суеверий [Электронный ресурс] URL: <https://litmir.club/br/?b=231641&p=196> (дата обращения 12. 06. 2025).

³⁶ Русские народные картинки / сост. и описание Д. Ровинского. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 175.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 176.

³⁹ Русский цвет / под ред. Ю.В. Якунина. М., 2012. С. 492.

тинок Д.А. Ровинского это хорошо видно⁴⁰. Красный цвет в русской православной культуре – цвет мучеников, тех христиан, которые за веру в Иисуса Христа приняли жестокие мучения и смерть. На крови мучеников выросла Христианская церковь. Память всех мучеников отмечают в красном – цвете крови, страданий, мучений, но и цвете победы одновременно, цвете Пасхи Христовой⁴¹. Зелёный в русском православии – символ вечной жизни, гармонии Божественного бытия, обновления жизни и Вечной жизни, жизни «будущего века». Это цвет преподобных и блаженных. Зелёный цвет символизирует умерщвление в человеке греховного начала и начало новой жизни⁴². Белый цвет – символ Божественного света. Это цвет святости и отрешенности от мирского, устремленности к духовной простоте и возвышенности, причастности к Божественному миру⁴³.

Таким образом, рассмотренные пословица и сюжеты отдельных лубков отчетливо демонстрируют противопоставление в народном сознании священника и черта, где первый – символ добра и святости, второй – олицетворение зла. Это обусловлено и акцентацией в пословице на слове «своё» в притяжательном местоимении, указывающим на принадлежность кому-либо чего-либо сущностного, основополагающего.

В то же время, учитывая, что для фольклорных текстов характерны противоречивые сюжеты и даже взаимоисключающие моменты, отражающие многовекторность народных аксиологических установок, отношение к черту в крестьянской среде через призму его сопоставления с попом были далеко не однозначными. В частности, крестьяне сомневались в реальной силе как священника, так и чёрта: «Хоть поп, хоть дьякон, хоть черт, хоть диавол – все равно»⁴⁴. Равенство Бога и дьявола выглядит так: «Бог сотворил попа, чёрт – скомороха»⁴⁵. В отдельных пословицах черти могут выступать судьями в отношении попов: «Не нам попов судить, на то черти есть»⁴⁶. Беря в расчёт данную направленность сравнительного контекста попа и черта, пословица «Поп свое, а черт свое» аксиологическое измерение своей сути несколько изменяет в сторону, как бы выравнивания их статус в народном сознании. Но в целом, как было показано выше, рассмотренная пословица, несмотря на некую мировоззренческую противоречивость, имеет явное противопоставление священника и чёрта с позитивным восприятием попа.

В качестве примеров пословиц о благополучии супружеской жизни попадьи можно указать следующие: «Одна у попа жена, да и то послед-

⁴⁰ Русские народные картинки. Иллюстр. II–III, XXVII.

⁴¹ Русский цвет. С. 166.

⁴² Там же. С. 288.

⁴³ Там же. С. 448.

⁴⁴ Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII в. М., 1994. С. 85.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Комаров Д.А. Указ. соч. С. 107.

ня», «Бережет – как поп попадью», «Жить в раю, что попадьё за попом»⁴⁷. Видимое благополучие супружеских взаимоотношений в поповских семьях, основанное в том числе и на запрете повторного брака для белого духовенства, было хорошо известно крестьянам. Данная видимость, с одной стороны, была опосредована спецификой «диффузного сознания» у крестьян, когда уровень материального достатка семейного быта поповской семьи соотносился с реалиями мужицкой семьи. Часто, но не всегда, крестьянские семейные реалии проигрывали поповским. Поэтому вышеуказанные пословицы могли быть и результатом обычной бабской зависти («Живет, что попадьё за попом» говорит об удачном браке знакомой или односельчанки)⁴⁸. То есть «райская» жизнь попадьи уже бросалась в глаза. Видимость относительного благополучия поповской семьи напрямую была связана с ростом её материального достатка. В этой связи Б.Н. Миронов указывает, что традиционный тезис о бедственном материальном положении приходского духовенства отчасти соответствовал реалиям XVIII в., но в течение XIX – начала XX в. ситуация коренным образом изменилась. Под влиянием регулярных требований самого приходского духовенства и протезе церковных иерархов, под влиянием растущего понимания светскими властями идеологической значимости приходского духовенства правительство много делало для повышения уровня жизни клириков и почти удовлетворяло их основную материальную претензию – обеспечить приличное (по стандартам того времени) государственное жалование, на уровне равных по их социальному статусу профессиональных групп⁴⁹.

Естественно, что отношение к попадьё в народе было различным. В рамках определённого позитива с элементами зависти попадьё становилась объектом сатирического осмеяния. Это отражено в пословице: «Не хватайся, як поповна, замуж!» – насмешка над незадачливой невестой⁵⁰. Осмеивается роль попадьи в поповской семье: «Поп кабы поп, да лижа попадьё!»⁵¹. «Попадьёшка как ладеюшка» – подтрунивает пословица над тучностью беззаботной и ленивой попадьи⁵².

Относительное благополучие так же не было уделом всех поповских семей. Во многих из них были постоянные конфликты, доходившие до рукоприкладства. В немалой степени это было обусловлено тем, что жениться приходилось по обстоятельствам, связанным с будущей карьерой. Вакансия в приходе была для выпускника семинарии важнее сердечной привязанности и ему приходилось соглашаться на брак с дочерью священника. Взаимные симпатии роли не играли⁵³.

⁴⁷ Комаров Д.А. Указ. соч. С. 107.

⁴⁸ Там же. С. 116.

⁴⁹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2018. Т. 3. С. 262.

⁵⁰ Пушкирев Л.Н. Указ. соч. С. 80.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.). С. 52–53.

Крестьяне, конечно, видели эти семейные контрасты в поповских семьях, отмечая в части из них «беззаботную», «райскую» жизнь жен священников, что и нашло отражение в узком кругу народных пословиц.

Пословицу «Пошел в попы – так служи и панихиды»⁵⁴, включенную в отдельный «позитивный» раздел сборника пословиц, поговорок, примет отшельника Мери-Хови можно трактовать следующим образом. Здесь скорее всего есть указание на то, что помимо «праздных» служб (крещение, свадьба) у священника есть служба и траурного характера – панихида. Именно на это указывает местоименное наречие «так», которое трактуется как «именно таким образом, не как-нибудь иначе»⁵⁵.

Отшельник Мери-Хови относит пословицу «Каков поп – таков и приход» к пословицам с негативным подтекстом восприятия попа⁵⁶. Но с этим вряд ли стоит соглашаться. Вышеуказанная деятельность священников Иоана Комаревского, Григория Алявдина, Михаила Лаврова говорит о благотворном влиянии их на свою паству. Очевидной негативной коммуникативности в их отношении не наблюдалось.

Обращают на себя внимание пословицы, в которых утверждается, что в старину попы были лучше. К ним относятся: «Были встарь сосуды деревянные, да попы золотые, а теперь сосуды золотые, да попы деревянные», «Согрешили попы за наши грехи», «Три попа, а заросла в церковь тропа»⁵⁷. Это утверждение обусловлено спецификой крестьянских представлений о времени. Крестьянин воспринимал время циклическим, движущимся по кругу и соответственно этому представлял, что все в мире повторяется, а не изменяется. Отход от повторяющегося хода вещей казался ему чем-то исключительным, делом рук нечистой силы и потому временным и переходящим: «Обомнётся, оботрется – все по-старому пойдет». Отсюда недоверчивость к разным переменам, нововведениям, будь они хорошими или плохими, и традиционализм, который гарантировал сохранение того, чем человек обладает в данный момент. Следовательно, прошлое лучше настоящего («Прежде жили не тужили; теперь живем – не плачем, так режем»)⁵⁸.

При работе с фольклорными текстами, касающимися образа сельского священника, доминантным текстовым дискурсом являются различные образы негативного плана, начиная от чрезмерно жадного человека, завершая его страстью к праздной жизни. Подобные характеристики присутствуют и в отечественной историографии. Но учитывая аксиологическую противоречивость, а порой и взаимоисключаемость отдельных сюжетных линий в фольклорных текстах, отражающих крестьянское мировоззрение, есть примеры позитивного отношения к священникам. В частности, это хорошо прослеживается в народных пословицах. В них указывается на сущ-

⁵⁴ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 115.

⁵⁵ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М, 1990. С. 785.

⁵⁶ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 115.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. С. 379–380.

ностную необходимость священников для проведения различных религиозных служб, готовность материального вознаграждения служителей клира, внешний и внутренний особый образ священника, его отличия от представителей других социальных сообществ, влияние священника на прихожан и др. В то же время отдельные пословицы можно трактовать двояко: с одной стороны, как позитив, с другой – как социальную претензию. Например, это касается пословиц о материальном вознаграждении священников. В общей массе пословиц о священнике, с преобладанием негатива, позитивные пословицы составляют мизерный процент. Но они тоже являются отражением крестьянского сознания.

Список литературы:

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. – 239 с.
2. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. – 304с.
3. *Беловинский Л.В.* Культура российской повседневности. М.: Академический проект, 2016. – 716 с. (Исторические технологии).
4. *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. – 416 с. (Ethnographica Petropolitana).
5. *Комаров Д.А.* «Не нам попов судить, на то черти есть»: образ священника в русском фольклоре // Провинциальное духовенство дореволюционной России: сб. научн. труд. / под. ред. Т.Г. Леонтьевой. Тверь: Тверской государственный университет, 2005. Вып. I. С. 107–119.
6. *Костюхин Е.А.* Лекции по русскому фольклору. М.: Дрофа, 2004. – 336 с.
7. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. – 272с.
8. *Леонтьева Т.Г.* Жизнь и переживания сельского священника (1861-1904 гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2000. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 34–56.
9. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Булавин, 2018. Т. 3. – 992с.
10. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): 2 т. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. Т. 1. – 548с.
11. *Неклюдов С.Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60. Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина / под ред. Н.Б. Вахтина и Г.А. Левингтона. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77–86. (Studia Ethnologica; Вып. 4).
12. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура; in memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 464с. (Ethnographica Petropolitana, IX).

13. Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII в. М.: Наука, 1994. – 192с.
14. Рыбникова М.А. Русские загадки, пословицы и поговорки. М.: Культура, 2022. – 631с. (Методы культуры (Фольклористика)).
15. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России в XVII – XVIII вв. Тверь: Тверской государственный университет, 1994. – 73с.

Об авторе:

ШАПОВАЛОВ Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории и документоведения, НИУ «БелГУ» (308015, Россия, г. Белгород, ул., Победы, 85); e-mail: shapovalov@bsuedu.ru

On the question of the positive attitude towards the village priest in Russian folk proverbs

V.A. Shapovalov

Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»),
Belgorod, Russia

The article examines the issue of the presence and orientation of sympathy for the priest in Russian folk proverbs. The inconsistency of folklore texts on this issue is shown, but with a dominant discourse of a positive plan. The author substantiates the statements in folk proverbs about the need for a priest in the life of peasants throughout their earthly journey; the special distinctive external and internal image of a priest, his status; the obligation of material remuneration for funeral services; the juxtaposition of images of a priest and a devil, etc. Folk splints and Orthodox color symbols are also used as sources. Special attention is paid to confirming the topos under consideration with specific examples from the official activities of priests and their communication with the clergy.

Keywords: *folklore text, proverbs, positive, priest, peasant.*

About author:

Shapovalov Vladimir Anatolyevich – Doctor of History, Professor, the Department of Russian History and Documentation, the National Research University «BelSU» (308015, Russia, Belgorod, 85 Pobedy St.); e-mail: shapovalov@bsuedu.ru

References:

- Вайбурин А.К., *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavyanskikh obryadov*, SPb., Nauka, 1993. – 239 s.
- Безгин В.В., *Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala XX veka)*, М., Tambov, Izd-vo TGTU, 2004. – 304s.

- Belovinskij L.V., *Kul'tura rossijskoj povsednevnosti*, M., Akademicheskij proekt, 2016. – 716s. (Istoricheskie tekhnologii).
- Bernshtam T.A., *Prihodskaya zhizn' russkoj derevni: ocherki po cerkovnoj ehtnografii*, SPb., Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005. – 416 s. (Ethnographica Petropolitana).
- Komarov D.A., «*Ne nam popov sudit', na to cherti est'*»: obraz svyashchennika v russkom fol'klore, Provincial'noe dukhovenstvo dorevolucionnoj Rossii, pod. red. T.G. Leont'evoj, Sb. nauchn. trud., Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2005. Vyp. I, S. 107–119.
- Kostyukhin E.A., *Lekcii po russkomu fol'kloru*, M., Drofa, 2004. – 336 s.
- Leont'eva T.G., *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.*, M., Novyj khronograf, 2002. – 272 s.
- Leont'eva T.G., *Zhizn' i perezhivaniya sel'skogo svyashchennika (1861–1904 gg.)*, Social'naya istoriya. Ezhegodnik, 2000, M., Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2000, S. 34–56.
- Mironov B.N., *Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modern*, V 3 t., T. 3, SPb., Dmitrij Bulavin, 2018. – 992s.
- Mironov B.N., *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*, V 2 t., T. 1, SPb., Dmitrij Bulavin, 2003. – 548 s.
- Neklyudov S.Yu., *Zametki ob «istoricheskoy pamyati» v fol'klore*, AB-60. Sbornik statej k 60-letiyu A.K. Bajburina, Pod red. N.B. Vakhtina i G.A. Levingtona, SPb., Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007, S. 77–86. (Studia Ethnologica; Vyp. 4).
- Putilov B.N., *Fol'klor i narodnaya kul'tura; In memoriam*, SPb., Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. – 464s. (Ethnographica Petropolitana, IX).
- Pushkarev L.N., *Dukhovnyj mir russkogo krest'yanina po poslovicam XVII – XVIII v.*, M., Nauka, 1994. – 192 s.
- Rybnikova M.A., *Russkie zagadki, poslovice i pogovorki*, M., Kul'tura, 2022. – 631 s. (Metody kul'tury (Fol'kloristika).
- Usenko O.G., *Psikhologiya social'nogo protesta v Rossii v XVII – XVIII vv.*, Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 1994. – 73 s.

Статья поступила в редакцию 12.11.2025 г.

Подписана в печать 21.04.2026 г.